

**«РАЙ ДЕТСКОГО ЖИТЬЯ»: ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ
ТЕМЫ ДЕТСТВА В РАННЕЙ ЛИРИКЕ
М.И. ЦВЕТАЕВОЙ**

Е.М. Криволапова

*Доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры литературы
e-mail: elena_vroblevska@mail.ru*

Курский государственный университет

В статье рассматриваются художественные особенности темы детства в раннем творчестве М.И. Цветаевой. Анализируются стихотворения из сборников «Вечерний альбом» и «Волишебный фонарь». Доминирующими в них являются темы дома, детства, матери. Отмечается, что детство для Цветаевой – это главный нравственный и эстетический ориентир, который определяет жизненные и духовные приоритеты человека. «Взросление» воспринимается поэтом как потеря «детского рая». Выявляется связь лирики М.И. Цветаевой с традициями устного народного творчества.

Ключевые слова: *детство, «взросление», духовные приоритеты, «детский рай», нравственный ориентир, традиции, устное народное творчество.*

В начале XX столетия наблюдается небывалый интерес к теме детства. В.В. Розанов, говоря об основных тенденциях наступающей эпохи, отмечал: «“Путь” наш – не философия, не наука, а *ребенок*. <...> Он и станет нашим *символом*...» [Розанов 2004: 66] Подтверждением слов философа могут служить работы отечественных и зарубежных ученых начала века: шведского публициста и педагога Эллен Кей «Век ребенка» [Кей 1905], Н.А. Саввина «Наша детская литература» [Саввин 1908], В.В. Брусянина «Дети и писатели» [Брусянин 1915] и др.

Что касается современных исследований, особый интерес представляют работы Н. Дворяшиной «Феномен детства в творчестве русских символистов» [Дворяшина 2009], А. Заваровой «Миф о детстве. Осмысление детства в искусстве конца XIX – начала XX веков» [Заварова 1994], М.М. Полехиной «Феномен “детство” и “детскость” в автобиографической прозе Марины Цветаевой» [Полехина 2019], Л.Л. Кертман «“Мы из детской уйти не хотели...” (Своеобразие отношений Марины Цветаевой и Сергея Эфрона)» [Кертман 2021].

По мнению ученых, «обращение к детству на рубеже веков было вызвано стремлением “вернуть расколотому миру единство, вернуть человеку дорефлективную цельность восприятия и мировидения”» [Заварова 1994: 72]. Помимо этого, необходимо отметить еще одну особенность литературы начала XX века: интерес к народной жизни и русскому народному творчеству. Исследователи отмечали, что поэзия

Серебряного века, вобрав в себя наследие Библии, античную мифологию, опыт европейской и мировой литературы, теснейшим образом связана и с русским фольклором, с его песнями, плачами, сказаниями, частушками. В этом отношении особый интерес представляет осмысление детства в лирике М.И. Цветаевой.

В творчестве поэта четко просматривается связь с традициями устного народного творчества. В стихотворениях Цветаевой можно найти плач матери и причитания, молитвы и колыбельные, магический и бытовой фольклор. Сюжеты многих своих произведений поэтесса черпала из русских народных сказок, переделывая их на свой лад. Под влиянием фольклора в поэзию Марины Ивановны врывается сказка, магия и волшебство. Это особенно характерно для раннего периода ее творчества. Поэтому стоит обратиться к первым сборникам поэта, в которых доминируют стихотворения, посвященные детскому периоду жизни Цветаевой.

Детство для нее – не только определенный временной отрезок, не только один из периодов взросления, это главный нравственный и эстетический ориентир поэта. Именно детство, по убеждению Цветаевой, определяет жизненные и духовные приоритеты человека, его ценностные установки и мировосприятие в целом. Тематический диапазон лирики Марины Цветаевой достаточно широк, но ключевыми для нее всегда оставались темы, связанные с детством, взрослением, постижением «взрослой сущности». Слова «дети», «ребенок» и производные от них являются одними из самых частотных в первых сборниках поэта «Вечерний альбом» (1910) и «Волшебный фонарь» (1912).

Несмотря на то что «детство поэта не было страной безусловного благополучия» [Полехина 2019: 40], для Марины Цветаевой – это лучшее, что было в ее жизни, без преувеличения можно сказать, что это «рай». В своих стихотворениях она так и называет этот период – «рай детского житья», «лазурный берег», «лучшие сказки», «золотые времена»:

«О золотые времена,

Где взор смелей и сердце чище!» [Цветаева 1994: 1: 45].

В статье «Поэты с историей и поэты без истории» Марина Цветаева говорит о непреходящем значении периода детства, к которому нужно непременно возвращаться, «воссоздавать его», потому что это «единственная возможность возместить неделанное» [Цветаева 1994: 5: 423]. По убеждению Цветаевой, «детство – вечный вдохновляющий источник лирика, возвращение поэта назад, к своим райским истокам. Рай – ибо ты принадлежал ему. Рай – ибо он распался навсегда» [Цветаева 1994: 5: 423].

Неслучайно в стихотворениях Цветаевой в дальнейшем будут звучать мотивы утраты «детского рая»:

Что впереди? Какая неудача?

*Во всем обман, и, ах, на всем запрет!
– Так с милым детством я прощалась, плача,
В пятнадцать лет [Цветаева 1994: 1: 145].*

В одном из стихотворений, посвященных сестре Асе, Марина Цветаева с горечью вопрошает:

*Зачем переросла, дружок,
Свою ты колыбель? [Цветаева 1994 1: 107].*

По мнению Л.Л. Кертман, «даже в самом названии стихотворения – «Подрастающей – ошутима тревожная растерянность. За стенами уютной детской – чужой холодный мир», и «вырастать – страшно» [Кертман 2021: 78].

«Мир детства» (воспользуемся термином Ю.М. Лотмана) Марины Цветаевой – это особый мир, наполненный, пронизанный волшебством, мир сказок и иллюзий. В нем уютно, тепло, безопасно, чудесно. Первые сборники тоже носят сказочные названия: «Вечерний альбом» (а вечер для Цветаевой – это особое время, когда мир становится сказочным и совершаются чудеса), «Волшебный фонарь», и даже частное издательство ее будущего мужа С. Эфрона называется «сказочно»: «Оле-Лукойе».

В этом сказочном «мире детства» особое место отводится матери – Марии Александровне. В своих автобиографических очерках и письмах Марина Цветаева неоднократно подчеркивала духовное воздействие матери на дочерей. «Мать не воспитывала – испытывала силу сопротивления...» – напишет впоследствии Марина Ивановна [Цветаева 1994: 5: 14]. Но несмотря на свою строгость, требовательность, сдержанность в проявлении чувств, именно Мария Александровна открыла для своих дочерей мир прекрасного, создала тот «детский рай», о котором впоследствии тосковала Марина Цветаева.

*К детским снам клонясь неумоимо,
(Без тебя лишь месяц в них глядел!)*

Ты вела своих малюток мимо

Горькой жизни помыслов и дел [Цветаева 1994: 1: 10].

Именно в детстве Цветаева научилась ценить красоту прошлого, которое стало для нее гораздо важнее и значимее, чем настоящее и будущее.

*С той поры нам чужды все живые
И отраден беглый бой часов.*

.....

*Мы, как ты, приветствуем закаты,
Упиваясь близостью конца.*

Все, чем в лучший вечер мы богаты,

Нам тобою вложено в сердца [Цветаева 1994: 1: 9].

Поэтессе был дорог образ матери-девочки («Мама за книгой», «Баловство»), которая тоже читает книги – но свои! – так же любит подурачиться, пошалить:

В темной гостиной одиннадцать бьет.

Что-то сегодня приснится?

Мама-шалунья уснуть не дает!

Эта мама совсем баловница! [Цветаева 1994: 1: 48].

Соединяя в себе мир детей и мир взрослых, Мария Александровна выступала своеобразным связующим звеном между миром детей и миром взрослых. Отсутствие матери воспринимается детьми как нечто противоестественное. Неслучайно в одном из стихотворений звучат слова: «Ах, без мамы ни в чем нету смысла!» [Цветаева 1994: 1: 43].

Смерть матери, скончавшейся в 1906 году, осознается поэтом как потеря «детского рая». Об этом свидетельствуют строки, полные отчаяния:

Все бледней лазурный остров-детство,

Мы одни на палубе стоим.

Видно, грусть оставила в наследство

Ты, о мама, девочкам своим [Цветаева 1994: 1: 10].

Потрясение, связанное со смертью матери, Цветаева так и не изжила в себе и на протяжении всей жизни постоянно обращалась к памяти матери, пытаясь постичь смысл ее преждевременного ухода. Так, в письме к Анне Тесковой, поэтесса отметит: «Гений нашего рода: женского: моей матери рода – был гений ранней смерти и несчастной любви...» [Цветаева 1995: 6: 410]. Прослеживая свою «родословную» по женской линии, Марина Ивановна делает неутешительный вывод: «Я – четвертая в роду и в ряду, и несмотря на то, что вышла замуж по любви и уже пережила их всех – *тот* гений рода – на мне» [Цветаева 1995: 6: 410].

В письме к В.В. Розанову Цветаева подробно рассказывает о своей матери, выделяя в ее личности самые характерные черты: «Упоение музыкой, *громадный талант* (такой игры на рояле и на гитаре я уже не услышу!), способность к языкам, блестящая память, великолепный слог, стихи на русском и немецком языках, занятия живописью» [Цветаева 1995: 6: 123].

В этом же письме поэтесса возвращается к самым тяжелым воспоминаниям своей жизни – рассказывает о последних днях жизни матери: «Зима 1905–06 г. прошла в Ялте. Это была мамина последняя зима. В марте у нее началось кровохаркание, вообще болезнь, раньше почти незаметная, пошла с жестокой быстротой. – “Хочу домой, хочу умереть в Трехпрудном!” (Переулок, где был наш дом).

Мама умерла 5-го июля 1906 г. в Тарусе Калужской губ<ернии>, где мы все детство жили по летам. <...> За день до смерти она говорила нам с

Асей: “И подумать, что какие угодно дураки вас увидят взрослыми, а я...”
И потом: “Мне жаль только музыки и солнца!” <...>

Ее измученная душа живет в нас, – только мы открываем то, что она скрывала. Ее мятеж, ее безумие, ее жажда дошли в нас до крика» [Цветаева 1995: 6: 122, 124].

Тема дома, детства, матери изначально доминировала в лирике Цветаевой, поскольку стихи о маме, родном доме, о себе-ребенке – первое, что она написала. Рождение дочери Али дало новый «толчок» этой теме. Лирическая героиня, повзрослевшая, ставшая матерью, сохраняет то же самое детски-восторженное восприятие мира: дитя в её представлении – «чудо», «Божий дар», значит и относиться к нему надо по-особому. В этом отношении примечательны слова дочери Марины Ивановны шестилетней Ариадны: «Моя мать очень странная. Моя мать совсем не похожа на мать. <...> Она грустна, быстра, любит Стихи и Музыку. Она пишет стихи» [Эфрон 2019: 35]. Немного позже в лирике Цветаевой появляется новый мотив: дочери-сестры, дочери-подруги, единого целого с матерью.

В первом поэтическом сборнике поэтессы «Вечерний альбом» отчетливо просматривается тема пытливого ребенка, открывающего для себя мир. Для лирической героини это даже не мир, а мирок – маленький, уютный, радостный, преображенный сказкой, мирок, который понятен только детям:

*Дети – это вечер, вечер на диване,
Сквозь окно, в тумане, блески фонарей,
Мерный голос сказки о царе Салтане,*

О русалках-сестрах сказочных морей («Мирок», с. 13)
[Цветаева 1994: 1: 13].

Мир детей абсолютно иной, нежели мир взрослых, которым не дано его постичь, потому что, по убеждению поэта, «дети – это мира нежные загадки, И в самих загадках кроется ответ» [Цветаева 1994: 1: 45].

Взрослые, или как именует их Цветаева, «большие», не верят в чудеса, в волшебство вечера, они живут спокойно, обыденно и скучно. Они не в состоянии проникнуть в «царство детства», увидеть в детях сказочных персонажей.

*Мы обе – феи, но большие (странно!)
Двух диких девочек лишь видят в нас.
Что ясно нам – для них совсем туманно:*

Как и на всё – на фею нужен глаз! [Цветаева 1994: 1: 43].

Вот поэтому немного свысока, с детским пренебрежением звучат строки о взрослых:

*Мы старших за то презираем,
Что скучны и просты их дни...
Мы знаем, мы многое знаем*

Того, что не знают они! [Цветаева 1994: 1: 13].

В стихотворении «Книги в красном перелете» (1910) Марина Цветаева обращается к своим постоянным, неизменным друзьям, сопровождавшим ее все детские годы – книгам, которые, оставаясь в «детском рае», как будто провожают ее во взрослую жизнь:

Из рая детского житья

Вы мне привет прощальный шлете,

Неизменившие друзья

В потертом, красном переплете... [Цветаева 1994: 1: 44].

Книги открыли ей удивительный мир фантазии, волшебства, творчества, счастье сопереживания. Книги – неизбежный атрибут счастливого детства. Стихотворение содержит античные (Диоген) и литературные аллюзии (Марк Твен). Заканчивается оно возвышенными, торжественными строками, в которых ушедшее детство и прочитанные в нем книги сливаются в одно: ностальгию по «утраченному детскому раю».

О золотые времена,

Где взор смелей и сердце чище!

О золотые имена:

Гекк Финн, Том Сойер, Принц и Нищий! [Цветаева 1994: 1: 45].

В лирике Цветаевой вечер – это особое, мистическое время суток. Неслучайно она называет сборник «Вечерний альбом». Мотивы вечера и волшебства в лирике поэта были подробно исследованы О. Клингом в статье «Поэтический стиль Марины Цветаевой и приемы символизма». Выявляя в творчестве молодой начинающей поэтессы влияние В. Брюсова, исследователь обращает внимание на интерпретацию некоторых тем Брюсова в первых сборниках Цветаевой: «...в 1910 году она пишет статью “Волшебство в стихах Брюсова”. <...> Именно волшебство, то есть преобразование в красоту, возведение будничной действительности в разряд поэтического, больше всего ценила Цветаева в Брюсове. Именно так она понимала то, что называла “волшебством” в стихах Брюсова» [Клинг 1992].

Исследователь считает, что название второй книги стихов Цветаевой – «Волшебный фонарь» тоже опосредованно связано с Брюсовым: в нем «отразилось восхищение Цветаевой перед мощной силой творческого воображения, способного по-новому увидеть и преобразить мир». Именно «Брюсов с помощью “волшебного фонаря” искусства переключил “низкое”, <...> в “высокое”, сделал повседневное моментом искусства» [Клинг 1992].

Обратимся к стихотворениям поэта, в которых наиболее ярко отображается мир волшебства и сказки, присущие фольклору. Детский взгляд, детское сознание преобразует обыденную жизнь, делая ее необычной, веселой, забавной, чистой, сказочной.

Так предстают дети и вечер в стихотворении «В зале»:

Над миром вечерних видений

Мы, дети, сегодня цари.

Спускаются длинные тени,

Горят за окном фонари... [Цветаева 1994: 1: 12].

Характерны названия стихотворений первых двух сборников: «Лесное царство», «Наши царства», «Чародею», «Бывшему чародею», «Добрый колдун», «Принц и лебеди», «Зимняя сказка», «Розовый домик». Название последнего стихотворения глубоко символично. В системе художественных и эстетических представлений поэта – это символ уходящего детства, времени, которое ничто не в силах остановить или повернуть вспять. Домик стоит, окруженный «великанами-соседями», как беззащитный гномик из сказки. Розовый цвет здесь – цвет детства, безмятежности, сказки, волшебства, восторженности, детской способности удивляться, радоваться, смеяться:

Там засмеются, мы смеху ответим,

Фея откроет Эдем... [Цветаева 1994: 1: 14].

Этот домик, похожий на гномика, понятен «лишь детям». Вместе с ним уходят все детские радости, уходит сказка. Уход из «детского рая» очень болезненный. Неотвратимость будущего, страх перед ним, отчаяние, наконец, пронизывают все стихотворение. Неслучайно каждая строфа его заканчивается вопросом: «Маленький розовый домик, чем он мешал и кому?»; «Чем ты смутил и кого?»; «Чем ты грешил, перед кем?»; «Маленький домик любимый, Чем ты мешал и кому?» [Цветаева 1994: 1: 145–146].

«Розовый домик» не просто уходит, он «погребен». Вместе с ним погребено и детство.

В стихотворении «Из сказки – в сказку» звучат автобиографические мотивы. Лирическая героиня становится старше, взрослеет, но по-прежнему тоскует по чуду. Поэтесса обращается к своему воображаемому собеседнику, просит понять ее «детскую» душу, внутренний мир, который более свойственен детям, нежели взрослым:

Но разумности не требуй.

Я до самой смерти буду

Девочкой, хотя твоей.

Милый, в этот вечер зимний

Будь, как маленький, со мной.

Удивляться не мешай мне... [Цветаева 1994: 1: 174].

В стихотворениях двух первых сборников Марина Цветаева часто обращается к фольклорным мотивам и использует много сказочных образов. Но, обратим внимание, использует их не только для раскрытия сугубо сказочных, «детских» тем, но и вполне «взрослых»:

трагедия любви, одиночество и непонятость, горечь разлуки, поиски смысла жизни.

Например, сказочный мир присутствует в стихотворении «Конец сказки». В нем Цветаева использовала образы царевны и рыцаря, чтобы показать идеальную историю любви, которая и бывает только в сказке. Но это только на первый взгляд. На самом деле в стихотворении поднимается вопрос, на который Марине Ивановне не суждено было найти ответ до конца своих дней. Сюжет прост: мама читает ребенку сказку, и в процессе чтения он задает вполне детский вопрос: «А потом?» Но в этом, казалось бы, банальном, свойственном всем детям вопросе содержится глубокий философский смысл: для чего все то, что происходит в сказке, а следовательно, и в самой жизни? Таким образом, невинный детский вопрос наводит на вполне взрослые размышления:

*«Таёт царевна, как свечка,
Руки сложили крестом,
На золотое колечко
Грустно глядит». – «А потом?»*

.....
*«Свадьбу сыграли на диво
В замке ее золотом.
Время проводят счастливо,
Деток растят». – «А потом?»* [Цветаева 1994: 1: 154].

В первом сборнике Цветаевой уже намечается тема, которая будет продолжена во втором – конфликт детского мировосприятия и взрослой трагедии повседневности. Лирическая героиня, пытаясь оценить взросление, видит в нем не только «неизбежность», но и предопределенность будущих неизбежных потерь, неудач, запретов и несчастий. Настроение стихотворений, посвященных теме взросления, варьируется от отчаяния (Ах, для чего я выросла большая») до юношеского максимализма и по-прежнему детского желания чуда, как, например, в стихотворении «Молитва»:

*Христос и Бог! Я жажду чуда
Теперь, сейчас, в начале дня!
О, дай мне умереть, покуда
Вся жизнь как книга для меня.*

.....
*Люблю и крест, и шелк, и каски,
Моя душа мгновений след...
Ты дал мне детство – лучшие сказки
И дай мне смерть – в семнадцать лет!* [Цветаева 1994: 1: 32, 33].

Гораздо позже в стихотворения поэтессы войдут другие жанры устного народного творчества: частушки, плач, причитание, заговор, заклинание. Например, «Заклинаю тебя от злата», «Говорила мне бабка

лютая», где первое можно рассматривать как заговор, а второе – как пророчество.

Подводя итог, необходимо отметить, что восприятие М.И. Цветаевой эстетического и нравственного опыта народной культуры является не просто «данью времени», а одним из основных признаков поэтического мировидения. Использование фольклорных традиций как в детских стихах, так и во взрослых не только выявляет своеобразие художественного мира поэта, но и усиливает трагическое мироощущение, характерное для М.И. Цветаевой.

Библиографический список

Брусянин В.В. Дети и писатели. (Дети в произведениях А.П. Чехова, Леонида Андреева, А.И. Куприна и Ал. Ремизова). М.: Тип. т-ва И.Д. Сытина, 1915. 272 с.

Дворяшина Н.А. Феномен детства в творчестве русских символистов (Ф. Сологуб, З. Гиппиус, К. Бальмонт). Сургут: РИО СурГПУ, 2009. 291 с.

Заварова А. Миф о детстве. Осмысление детства в искусстве конца XIX – начала XX веков // Детская литература. 1994. № 3. С. 71–74.

Кей Э. Век ребенка. М.: Издание Д. П. Ефимова, 1905. 296 с.

Кертман Л.Л. «Мы из детской уйти не хотели...» (Своеобразие отношений Марины Цветаевой и Сергея Эфрона) // Материалы XXI и XXII международных научных цветаевских конференций (22–24 сентября 2018 г., 26–27 сентября 2020 г.): сб. докл. М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 2021. С. 75–87.

Клинг О.А. Поэтический стиль М. Цветаевой и приемы символизма: притяжение и отталкивание // Вопросы литературы. 1992. № 3. С. 74–93. URL: <https://voplit.ru/article/poeticheskij-stil-m-tsvetaevoj-i-priemy-impvolizma-prityazhenie-i-ottalkivanie/> (дата обращения 28.02.2022)

Полехина М.М. Феномен «детство» и «детскость» в автобиографической прозе Марины Цветаевой // Книга в культуре детства. М.: Литера, 2019. С. 35–48.

Розанов В.В. Семейный вопрос в России. Собр. соч. / Под общ. ред. А.Н. Николукина. М.: Республика, 2004. 828 с.

Саввин Н.А. Наша детская литература. Д.М. Мамин-Сибиряк // Педагогический листок. М., 1908. Вып. 4,5. С. 261–271; 321–332.

Цветаева М.И. Собрание сочинений: В 7 т. М.: Эллис Лак, 1994–1995.

Эфрон А.С. О Марине Цветаевой. Воспоминания дочери. М.; Берлин: Директ-Медиа, 2019. 483 с.